

УДК 339.9

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ 2025 ГОДА НА ДИНАМИКУ НЕФТЯНОГО РЫНКА: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Даниил Анатольевич ЛОМОНОСОВ ¹

¹Младший научный сотрудник, Центр математического моделирования экономических процессов, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Адрес для корреспонденции: Ломоносов Д.А., 119602, Москва, просп. Вернадского, д. 82.

Аннотация

В первой половине 2025 года произошло два события, которые способны оказать существенное влияние на глобальную деловую активность и нефтяной рынок: ввод администрацией Трампа тарифных пошлин на импорт и эскалация конфликта между Ираном и Израилем. Высокая зависимость российской экономики от нефтяных цен и экспорта (зарубежного спроса) предполагает, что данные события окажут влияние на отечественные макропоказатели. Это определяет актуальность **цели работы**: своевременно получить количественные оценки эффектов от данных событий на российскую экономику по их прямому каналу влияния. В качестве **метода исследования** используется подход байесовских векторных авторегрессий с идентификацией структурных шоков на основе знаковых ограничений. **По результатам** оценок эффектов данных событий на отечественную экономику при различных сценариях было показано, что вследствие ввода администрацией Трампа торговых пошлин российский ВВП, инвестиции и импорт могут снизиться вплоть до 1,64%, 3,67% и 7,07% соответственно, а реальные доходы и заработные платы населения до 1,25% и 1,03%. Также продемонстрировано, что остановка из-за конфликта поставок иранской нефти на мировой рынок может привести к росту потребления и инвестиций в России (через канал предложения нефти) вплоть до 6,17% и 9,67% соответственно, а реальных заработных плат и доходов населения до 6,68% и 3,09%. При маловероятном, но возможном сценарии блокирования Ираном Ормузского пролива на полугодовой срок эффект на данные макропоказатели аналогичен и усиливается. Таким образом можно сделать **вывод**, что при определенных условиях проводимая Вашингтоном торговая политика окажет ощутимый негативный эффект на отечественную экономику по итогам 2025 года через канал глобального спроса, а эскалация конфликта на Ближнем Востоке через прямой канал предложения нефти.

Ключевые слова

российская экономика, импортные пошлины (тарифы) Трампа, конфликт Ирана и Израиля, блокада Ормузского пролива, шоки мировой деловой активности, шоки предложения нефти

Для цитирования: Ломоносов Д.А. Влияние геополитических факторов 2025 года на динамику нефтяного рынка: последствия для экономики России // Ученые записки Международного банковского института. 2025. № 3(53). С. 88–109.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

5.2.5. *World economy*

UDC 339.9

INFLUENCE OF GEOPOLITICAL FACTORS IN 2025 ON THE DYNAMICS OF THE OIL MARKET: CONSEQUENCES FOR THE RUSSIAN ECONOMY

Daniil Anatolyevich LOMONOSOV¹

¹Junior Researcher, Center of Mathematical Modeling of Economic Processes, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
Address for correspondence: Lomonosov D.A., 119602, Moscow, Vernadsky Ave., 82.

Abstract

In the first half of 2025, two events occurred that could have a significant impact on global business activity and the oil market: the introduction of tariff duties on imports by the Trump administration and the escalation of the conflict between Iran and Israel. The high dependence of the Russian economy on oil prices and exports (foreign demand) suggests that these events will affect domestic macroeconomic indicators. This determines the relevance of the **goal of the work**: to obtain timely quantitative estimates of the effects of these events on the Russian economy through their direct channel of influence. **The research method** used is the Bayesian vector autoregression approach with the identification of structural shocks based on sign restrictions. **Based on the results** of assessing the effects of these events on the domestic economy under various scenarios, it was shown that as a result of the introduction of trade duties by the Trump administration, Russian GDP, investment and imports may decrease by up to 1.64%, 3.67% and 7.07%, respectively, and real incomes and wages of the population by up to 1.25% and 1.03%. It has also been demonstrated that the suspension of Iranian oil supplies to the world market due to the conflict may lead to an increase in consumption and investment in Russia (through the oil supply channel) by up to 6.17% and 9.67%, respectively, and real wage and income by up to 6.68% and 3.09%. In the unlikely but possible scenario of Iran blocking the Strait of Hormuz for a period of six months, the effect on these macro indicators is similar and increases. Thus, **it can be concluded that**, under certain conditions, the trade policy pursued by Washington will have a noticeable negative effect on the domestic economy by the

end of 2025 through the global demand channel, and the escalation of the conflict in the Middle East through the direct oil supply channel.

Keywords

Russian economy, Trump's import duties (tariffs), Iran-Israel conflict, Strait of Hormuz blockade, global real activity shocks, oil supply shocks

For citation: Lomonosov D.A. Influence of geopolitical factors in 2025 on the dynamics of the oil market: consequences for the Russian economy // Proceedings of the International Banking Institute. 2025. 3 (53). pp. 88-109 (in Russ.).

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

Введение

В первой половине 2025 года произошло два события, способных ощутимо повлиять на нефтяные цены и российскую экономику: ввод администрацией Трампа в апреле пошлин на импорт из других стран, блоков и эскалация конфликта между Израилем и Ираном. Оба события оказали (окажут) влияния как на глобальную активность (через дисбалансы спроса и предложения, нарушения торговых цепочек и цепочек поставок, что неминуемо окажет влияние на спрос и, следовательно, стоимость углеводородов на мировом рынке), ожидания экономических агентов относительно будущих цен на энергоресурсы (в частности нефти), так и решения стран и организаций об объемах нефтедобычи (будь то спекулятивный мотив или желание поддержать цены на более высоком уровне). Учитывая высокую зависимость российской экономики и от цен на нефть, и от зарубежного спроса на экспортную продукцию [1-3] представляется целесообразным оценить экономические последствия для России в свете данных обстоятельств. Для этой цели будет использоваться методология, предложенная в работе [2]. Ее преимуществами при анализе обозначенных событий является возможность учета влияния шоков глобальной активности и шоков предложения нефти на российскую экономику как через нефтяные цены, так и через глобальный спрос.

Работа выстроена следующим образом. В первом разделе описывается используемая методология байесовских векторных авторегрессий. Во втором разделе дается оценка экономического эффекта на российскую экономику за 2025 год от введения администрацией Трампа импортных пошлин через канал

глобальной деловой активности, основываясь на прогнозах ряда международных организаций и транснациональных компаний, среди которых ОЭСР, Всемирный банк, J.P. Morgan. В третьем разделе рассматривается два сценария, которые могут последовать вследствие эскалации конфликта между Ираном и Израилем (остановка нефтедобычи в Иране и блокада Тегераном Ормузского пролива), а также оценивается их количественный эффект через прямой канал предложения на экономику России за 2025 год.

Методология

В работе используется подход из исследования [2], суть которого заключается в следующем. Сначала строится финальная версия байесовской VAR модели мирового рынка нефти из фундаментального цикла работ Килиана [4-9] с четырьмя эндогенными переменными (темпы роста нефтедобычи, индекс деловой активности Килиана, логарифм реальной цены на нефть в уровнях⁵⁰, прокси-переменная изменения наземных нефтяных запасов [6]). На основе метода знаковых ограничений [10-11], в модели идентифицируется три структурных шока нефтяного рынка: шок глобальной деловой активности, шок предложения нефти, спекулятивный шок спроса на нефть. Отрицательный шок предложения сокращает добычу нефти, что ведет к росту ее цены и негативно влияет на глобальную экономическую активность из-за повышения производственных затрат. Положительный шок деловой активности, отражающийся в росте соответствующего индекса, усиливает спрос на все товары, включая нефть, что также способствует ее подорожанию и, как следствие, стимулирует рост нефтедобычи. Спекулятивный шок спроса, обусловленный изменением прогнозов относительно будущих цен на нефть, определяется как фактор, одновременно увеличивающий и нефтяные запасы, и цены. В этом случае экономические агенты, ожидая будущего роста цен, наращивают текущий спрос и запасы, чтобы впоследствии продать нефть дороже. Спекулятивный спрос подталкивает цены вверх, что, в свою очередь, способствует увеличению нефтедобычи. Однако мировая экономическая активность при этом снижается из-за растущих издержек производства. Четвертый шок не идентифицируется и предполагается остаточной компонентой, включающей все не рассматриваемые шоки. В роли априорного

⁵⁰Рассчитывается как отношение стоимости приобретения нефтеперерабатывающими компаниями США импортируемой нефти к индексу потребительских цен США в соответствии с циклом работ Килиана.

распределения используется априорное нормальное обратное распределение Уишарта. Также в модели сохраняются все динамические знаковые ограничения, ограничения на величины эластичностей и количество лагов, охватывающих два года [2, 6].

На втором шаге строится BVAR модель российской экономики, где переменные нефтяного рынка выступают в качестве экзогенных. С содержательной точки зрения такое решение мотивируется тем, что Россия рассматривается как малая открытая экономика. С технической – возможностью оценивать модель нефтяного рынка на более продолжительном участке, как рекомендуется в литературе [9]. Также в модели (при начале выборки до III квартала 2007 года) учитывается структурный сдвиг в российской экономике, идентифицированный в работе [2, 14, 12]. В качестве прайора используется априорное распределение Миннесоты (прайор Литтермана), предложенное в работе [2, 13]. Значения гиперпараметров устанавливаются в соответствии с наиболее общепринятыми рекомендуемыми в литературе [15]: $\lambda_1 = 0,2$, $\lambda_1 = 0,5$, $\lambda_1 = 0,2$, $\lambda_1 = 2$, $\lambda_1 = 1000$ и значение гиперпараметра AR (1) коэффициента на уровне 0,5.

На третьем шаге модели оцениваются и формируются апостериорные распределения, содержащие для каждой модели одинаковое количество сэмплов, после чего каждому сэмплу из модели нефтяного рынка ставится в соответствие сэмпл из модели российской экономики (две BVAR модели объединяются в одну). На основе полученного совместного апостериорного множества моделей проводится непосредственно анализ.

В данной работе для оценки модели нефтяного рынка используются наиболее актуальные доступные данные с I квартала 1974 года по IV квартал 2024 года. В качестве набора эндогенных переменных для модели российской экономики используются тот же набор переменных, что и в исследовании [2]: темпы роста реального ВВП, потребления, инвестиций, экспорта, импорта, зарплат, доходов, M1ACR (со сроком кредита 1 день) в уровнях, темпы роста дефлятора ВВП и реального эффективного валютного курса (РЭВК). Все переменные (кроме M1ACR и реального эффективного валютного курса) сезонно сглажены с помощью процедуры X-13 ARIMA в Eviews и взяты в разностях логарифма (кроме M1ACR). Начиная с 2023 года данные о российском экспорте и импорте в постоянных ценах не публикуются. В то же время представляется

важным получить количественный эффект от обозначенных событий на данные макропоказатели, поскольку экспорт и импорт являются одними из ключевых трансмиссионных каналов для гетерогенных шоков рынка нефти, что подчеркивалось в работах [1-3]. По этой причине, BVAR модель российской экономики оценивается с I квартала 2000 года по IV 2022 года в предположении, что неучтенные данные за последующий период не окажут серьезного воздействия на результат. Также автор отдает себе отчет, что помимо учтенного в модели структурного сдвига за данный период происходило множество других событий, способных повлиять на структурные взаимосвязи, среди которых ужесточение бюджетного правила в 2013 году и смена режима ДКП в 2014 году, пандемия коронавируса в 2020 году, специальная военная операция и последовавший за ней санкционный удар в 2022 году. Однако проводить такой анализ на более сжатой выборке (к примеру, после изменений бюджетного правила или смены режима ДКП) нерелевантно, поскольку достаточно продолжительное время с 2015 года деловая активность и цены на нефть были относительно стабильными, что может не позволить вычленить эффект от шоков нефтяного рынка на российскую экономику [3]. В литературе на данный момент также отсутствует консенсус относительно того, как учитывать события, начавшиеся в 2020 и 2022 годах. Вследствие перечисленных обстоятельств выбор методологии и периода выборки представляется обоснованным.

На рисунках 1 и 3 представлены оценки функции импульсных откликов для моделей, полученные на основе 4000 сэмплов. Полученные реакции непротиворечивы, содержательно интерпретируемы и, в целом, близки к оценкам, полученным в работе [2].

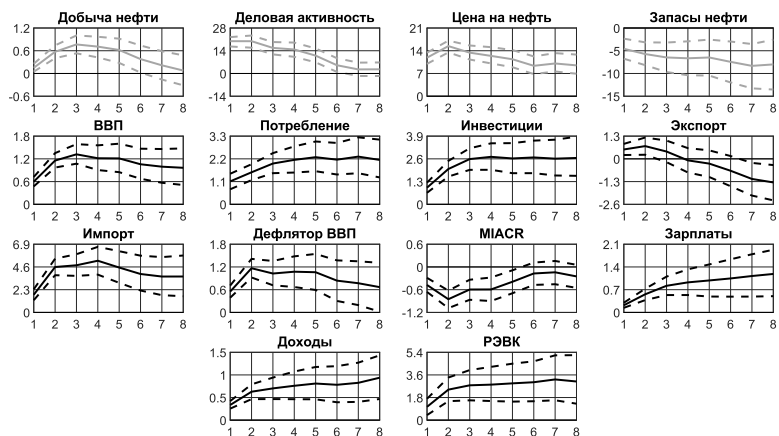

Рисунок 1 – Импульсные отклики российских макропеременных в ответ на шок мировой деловой активности с 68-процентными доверительными интервалами. По оси абсцисс отложены кварталы, по оси ординат – процентное влияние шока на уровень рассматриваемой переменной в *BVAR* модели.

Источник: расчеты автора.

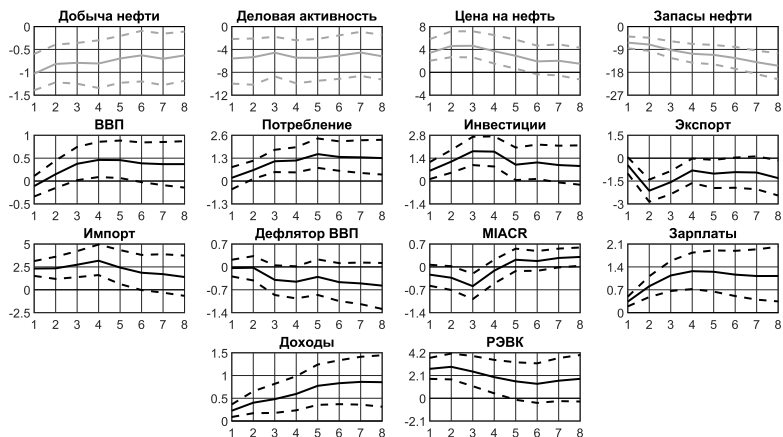

Рисунок 2 – Импульсные отклики российских макропеременных в ответ на шок предложения нефти с 68-процентными доверительными интервалами. По оси абсцисс отложены кварталы, по оси ординат – процентное влияние шока на уровень рассматриваемой переменной в *BVAR* модели.

Источник: расчеты автора.

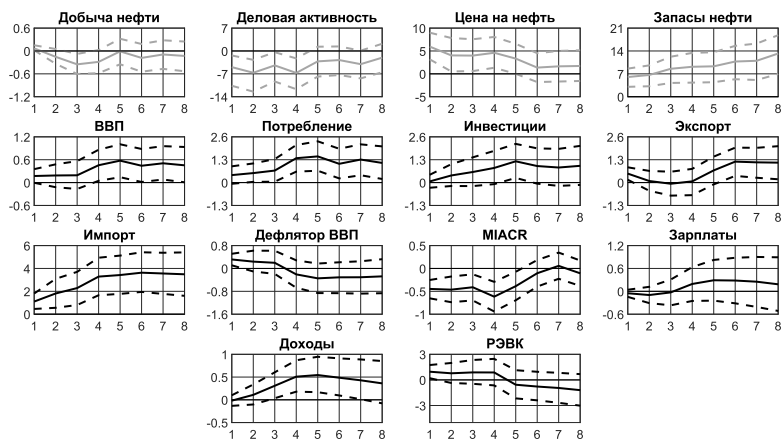

Рисунок 3 – Импульсные отклики российских макропеременных в ответ на спекулятивный шок спроса на нефть с 68-процентными доверительными интервалами. По оси абсцисс отложены кварталы, по оси ординат – процентное влияние шока на уровень рассматриваемой переменной в *BVAR* модели.

Источник: расчеты автора.

Пошлины на импорт администрации Трампа

2 апреля 2025 года президент США Дональд Трамп объявил о введении пошлин на импорт. Базовый тариф составил 10%, а для отдельных стран и блоков были введены дополнительные существенные надбавки к базовой ставке (например, для Китая и ЕС тариф составил 34% и 20% соответственно). Как отмечается, например, в документах и отчетах ОЭСР, Всемирного банка, J.P. Morgan данная политика с неизбежностью повлияет на международную торговлю и, следовательно, на экономики стран ее участниц. Более высокие барьеры повышают издержки торговли, что усложнит ее, может спровоцировать нарушение цепочек поставок. Это в свою очередь приведет к снижению глобального предложения (сдвигу кривой предложения влево-вверх в терминах простой модели AD-AS) и росту инфляции. Рост цен, изменения и нарушения цепочек поставок могут привести к снижению дохода экспортных компаний и компаний в секторах, зависимых от экспорта, что уже приведет к падению мирового спроса (сдвигу кривой спроса влево-вниз в терминах простой модели AD-AS), в том числе на энергоресурсы (в частности нефть). Таким образом,

реализуемая администрацией Трампа политика приведет к снижению глобальной деловой активности. Россия (даже несмотря на беспрецедентный набор введенных против нее санкций) остается тесно вплетенной в международную торговлю и зависима от экспорта, цен на углеводороды, поэтому представляется обоснованным полагать, что тарифная политика США отразится на ней.

Эффект от введенных США пошлин можно отразить через шок мировой деловой активности в BVAR модели нефтяного рынка, а затем транслировать его эффект в динамику российских макропеременных через BVAR модель отечественной экономики. Сразу следует уточнить, что оценивается именно эффект через канал шоков глобальной активности, хотя, безусловно, проводимая администрацией Трампа политика может влиять на ожидания экономических агентов (в том числе нефтяных трейдеров), решения стран и организаций об объемах нефтедобычи (в силу как экономических, так и политических причин). Остается определить, каким должен быть размер данного шока. Хорошей аппроксимацией динамики деловой активности по индексу Килиана могут служить годовые темпы роста реального мирового ВВП, что можно наблюдать при сравнении данных макропоказателей (рисунок 4).

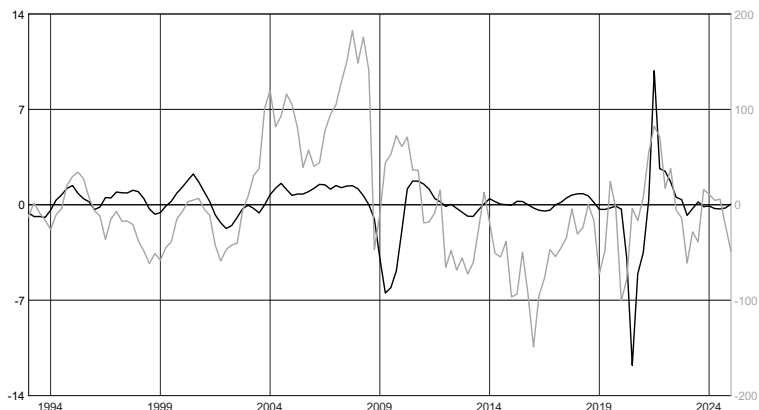

Рисунок 4 – Темпы роста мирового ВВП год к году в % (черная линия, левая ось ординат) и индекс Килиана в % отклонении от тренда (серая линия, правая ось ординат). Оба показателя скорректированы на среднее.

Источник: составлено автором по данным World Bank и Federal Reserve Bank of Dallas.

В свою очередь ряд организаций уже сделали прогноз, какой эффект на мировой ВВП по итогам 2025 года окажет политика Трампа, или скорректировали его (из документов^{51, 52}). Опираясь на данные цифры, рассматривается два сценария. В первом темпы роста мирового ВВП в 2025 году из-за американских пошлин снизятся на 0,3 п.п. (сценарий I). Во втором сценарии снижение составит 0,7 п.п. (сценарий II). Для количественного транзита падения глобального ВВП в индекс деловой активности Килиана оценивается еще одна BVAR модель полностью аналогичная модели российской экономики, но с одной эндогенной переменной – годовыми темпами роста реального мирового ВВП – и без учета структурного сдвига. Оценка проводится на периоде с I квартала 1992 года по IV квартал 2024 года. Импульсный отклик мирового ВВП на шок мировой деловой активности представлен на рисунке 5. Реакция статистически значима и достаточно устойчивая.

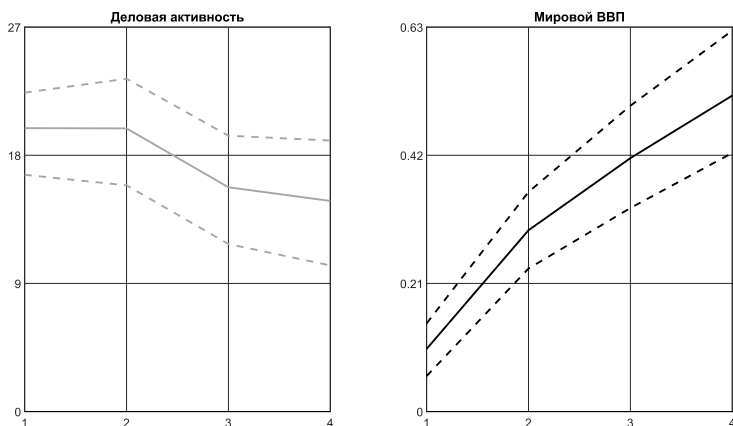

Рисунок 5 – Импульсные отклики на шок глобальной деловой активности в BVAR модели с мировым ВВП. По оси абсцисс отложены кварталы, по оси ординат – процентное влияние шока на уровень соответствующей переменной.

Источник: расчеты автора.

На следующем шаге подбирается такой размер шока деловой активности, чтобы на момент IV квартала после его возникновения темпы роста реального

⁵¹OECD Economic Outlook 2025/1 № 117 (https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook-volume-2025-issue-1_83363382-en/full-report/general-assessment-of-the-macroeconomic-situation_3e68d1e3.html).

⁵²Global Economic Prospects June 2025. A World Bank Group Flagship Report (<https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/0e685254-776a-40cf-b0ac-f329dd182e9b/content>).

мирового ВВП снизились на 0,3 п.п. и 0,7 п.п. в соответствии с рассматриваемым сценарием. После этого шок деловой активности такого же размера подставляется в модель для российской экономики. Полученные оценки эффектов от пошлин администрации Трампа на отечественные макропоказатели в двух сценариях представлены на рисунке 6 и в таблице 1.

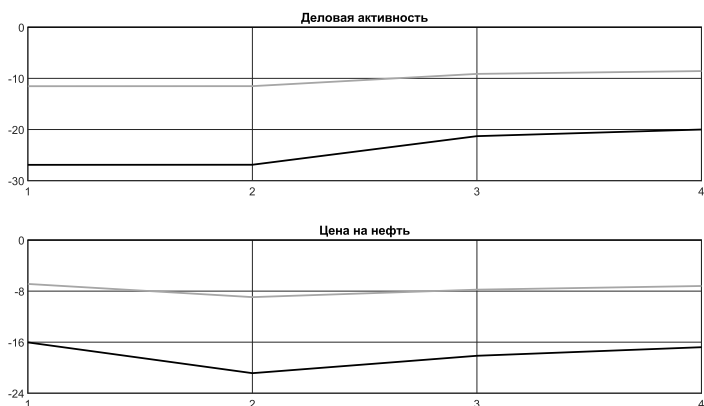

Рисунок 6 – Динамика деловой активности и цен на нефть (в % отклонениях от устойчивого состояния) в двух сценариях влияния импортных пошлин администрации Трампа на мировую экономику. Сценарий I – серая линия. Сценарий II – черная линия.

Источник: расчеты автора.

Таблица 1 – Оценки эффектов шока мировой деловой активности на российские макропеременные в двух сценариях различного эффекта пошлин на импорт администрации Трампа на мировой ВВП по итогу года.

	ВВП	Потребление	Инвестиции	Экспорт	Импорт
Сценарий I	-0.70%	-1.25%	-1.57%	0.05%	-3.03%
Сценарий II	-1.64%	-2.91%	-3.67%	0.12%	-7.07%
	Дефлятор ВВП	МІАСR	Зарплата	Доходы	РЭВК
Сценарий I	-0.62%	0.34%	-0.54%	-0.44%	-1.64%
Сценарий II	-1.45%	0.80%	-1.25%	-1.03%	-3.82%

Примечание: серым цветом выделены оценки по экспорту, поскольку реакция на шок деловой активности в VAR модели была на горизонте года была на грани статистической значимости и статистически незначимы; количественный эффект представлен на квартальной частоте.

Источник: расчеты автора.

Торговая политика администрации Трампа по оценкам модели оказывает серьезный негативный эффект на экономику, как через снижение цен на нефть, так падение глобального спроса. Например, ВВП, инвестиции и импорт падают на 0,70%-1,64%, 1,57%-3,67% и 3,03%-7,07% соответственно, в зависимости от сценария. При этом снижаются заработные платы и доходы населения (примерно на 0,5%-1,0%), что также уменьшает платежеспособность населения и отрицательно влияет на потребление, которое падает на 1,25%-2,91%. Околонулевое оживление экспорта можно объяснить некоторым восстановлением глобального спроса и ослаблением валютного курса, но также необходимо учитывать, что импульсный отклик данной переменной в BVAR модели на шок глобальной активности незначим начиная с третьего квартала после воздействия шока.

Эскалация конфликта Ирана и Израиля

Возобновление военных действий началось 13 июня 2025 года, после ударов Израиля по территории Ирана. После череды взаимных ударов (с участием США на стороне Израиля), президентом Соединенных Штатов Америки Дональдом Трампом было объявлено о перемирии в ночь с 24 июня. Позже о перемирии заявили и противоборствующие стороны. Однако 24 июня Израиль обвинил Иран в нарушении перемирия и пообещал дать ответ. В свою очередь Иранские власти заявили, что перемирие не было нарушено. Таким образом, на момент написания статьи остается неясным итог конфликта. Более того, даже при перемирии сторон (как показали недавние события) не исключен новый виток эскалации конфликта. Поэтому, учитывая, что Иран является крупным игроком-экспортером на рынке сырой нефти и обладает возможностью перекрыть критически важный для мировой транспортировки нефти, нефтепродуктов Ормузский пролив (через который, в соответствии с данными Управления энергетической информации США, проходит около 30% всего объема торгуемой нефти⁵³), представляется обоснованным оценить два потенциально возможных сценария. В первом сценарии нефтедобыча в Иране снижается до нуля, что может следствие военных ударов и выводом из строя соответствующей инфраструктуры или прокси ситуации, в которой поставки из Ирана блокируются военным и/или санкционным путем. Во втором сценарии

⁵³Strait of Hormuz – Factsheet/EIA (<https://iea.blob.core.windows.net/assets/203eb8eb-2147-4c99-af07-2d3804b8db3f/StraitofHormuzFactsheet.pdf>).

предполагается, что в качестве ответной меры и/или рычага давления Иран блокирует Ормузский пролив, в результате чего на мировой рынок углеводородов перестанет поступать огромный объем нефти. О возможности такого шага уже заявил Тегеран 22 июня 2025 года. Также, в силу неопределенности текущих договоренностей между Израилем и Ираном, потенциальные сценарии будут рассматриваться не с позиции текущих значений нефтяных макропоказателей, а с точки зрения усредненных за некоторый период значений, для более общего представления последствий в рассматриваемых сценариях. В работе будут оцениваться последствия этих сценариев только через эффект шока предложения нефти. Но, безусловно, события в данных сценариях также повлияли бы на мировую экономику и через другие каналы, например, ожидания нефтяных котировок и мирового спроса, наращиванию нефтедобычи другими странами в силу политических и/или экономических мотивов.

Перейдем к первому сценарию. Для его построения сперва необходимо понять какую долю составляет нефтедобыча в Иране от мировой. Соответствующие данные Управления энергетической информации США представлены в таблице 2. Доля Ирана достаточно устойчива, даже с учетом захвата периодов снятия с него санкций и их последующего восстановления, в результате чего иранская нефтедобыча ощутимо изменялась. По этой причине в первом сценарии будет ориентация на значение его доли в мировой нефтедобыче, полученное на основе усреднения по наиболее продолжительному периоду – 4,41%. Рассматривается два случая. В первом (сценарий Ia) предполагается, что нефтедобыча в Иране снижается постепенно (равномерно) и достигает нуля через год, после начала цепочки шоков предложения. Во втором случае (сценарий Ib) полагается более стремительная ситуация, при которой уже в первом квартале нефтедобыча в Иране снижается до нуля и не восстанавливается в течении года. Количественные оценки эффектов шоков предложения в сценарии представлены на рисунке 7 и в таблице 3.

Таблица 2 – Данные по объемам мировой нефтедобычи, нефтедобычи Ирана и доли Иранской нефтедобычи в мировой.

	Февраль, 2025	Среднее за 3 года (2022- 2024)	Среднее за 5 лет (2020- 2024)	Среднее за 9 лет (2016- 2024)
Иран, добыча сырой нефти и конденсата, (Мб/д)	4.27	3.57	3.23	3.55
Мировая добыча сырой нефти и конденсата, (Мб/д)	82.43	81.44	79.45	80.50
Доля Ирана в мировой добыче сырой нефти и конденсата	5.18%	4.38%	4.07%	4.41%

Источник: представлены данные Energy Information Administration и расчет автора на их основе.

В обоих рассматриваемых случаях вследствие негативных шоков предложения происходит рост нефтяных цен и падение глобальной деловой активности, что ведет к падению спроса на российский экспорт. Однако падение глобального спроса не перебивает роста цен на нефть, в результате чего российские реальные макропеременные ощутимо растут, МІАСR и дефлятор ВВП падают, а реальный эффективный валютный курс укрепляется. Так импорт растет на 13,25%-16,70%, а инвестиции на 6,74%-9,67% в зависимости от варианта сценария. При этом экспорт падает на 0,96 п.п. в случае сценария Іb хотя деловая активность падает сильнее, а цены на нефть выше, что можно объяснить резким снижением предложения на рынке нефти и более насущной необходимостью компенсировать утраченные поставки (например, существенная часть экспорта иранской нефти приходится на Китай⁵⁴, который также осуществляет закупки нефти из России и может пытаться нарастить нехватку энергоресурсов посредством покупки отечественной нефти).

⁵⁴На 2023 год его доля составляла 89% в соответствии с Управлением энергетической информации США (<https://www.eia.gov/international/analysis/country/im>).

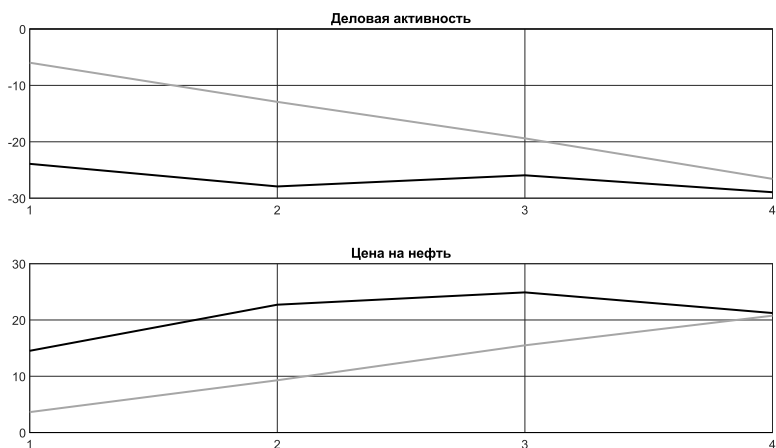

Рисунок 7 – Динамика деловой активности и цен на нефть (в % отклонениях от устойчивого состояния) в сценарии полной остановки Ираном нефтедобычи. Сценарий Ia – серая линия. Сценарий Ib – черная линия.

Источник: расчеты автора.

Таблица 3 – Оценки эффектов шоков предложения в сценарии полной остановки Ираном нефтедобычи по итогу года.

	ВВП	Потребление	Инвестиции	Экспорт	Импорт
Сценарий Ia (годовой эффект)	1.03%	3.79%	6.74%	-6.41%	13.25%
Сценарий Ib (годовой эффект)	2.35%	6.17%	9.67%	-5.45%	16.70%
	Дефлятор ВВП	МИАСR	Зарплата	Доходы	РЭВК
Сценарий Ia (годовой эффект)	-1.08%	-1.65%	4.38%	2.11%	12.89%
Сценарий Ib (годовой эффект)	-2.30%	-1.11%	6.68%	3.09%	11.37%

Примечание: серым цветом выделены оценки по макропоказателям, чьи реакции на шок предложения нефти в BVAR модели были статистически незначимы или находились на грани статистической значимости; количественный эффект представлен на квартальной частоте.

Источник: расчеты автора.

Рассмотрим второй сценарий, в котором Иран заблокирует Ормузский пролив. Прежде чем перейти к непосредственно расчетам необходимо уточнить несколько моментов. Во-первых, следует понять объемы поступающей нефти

через Ормузский пролив, чтобы оценить их долю в мировой нефтедобычи, поскольку, как и в случае с первым сценарием, эффект будет транслироваться через канал предложения нефти. С очевидностью блокировка торгового пути не эквивалентна снижению нефтедобычи. Страны экспортеры нефти, транспортирующие нефть через пролив, могут продолжить добычу энергоресурсов, просто они не будут поступать на мировой рынок. Однако это также означает фактическое их изъятие с рынка глобального рынка, что в BVAR модели можно отразить через снижение мировой нефтедобычи. Необходимые данные представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Данные по объемам сырой нефти и конденсата, экспортируемых через Ормузский пролив и мировой нефтедобычи.

	2024	Среднее за 3 года (2022- 2024)	Среднее за 5 лет (2020- 2024)	Среднее за 9 лет (2016- 2024)
Объемы сырой нефти и конденсата, экспортируемых через Ормузский пролив (Мб/д)	14.30	15.27	14.90	15.77
Мировая добыча сырой нефти и конденсата (Мб/д)	81.76	81.44	79.45	80.50
Отношение экспорта сырой нефти через Ормузский пролив к мировой добыче сырой нефти	17.49%	18.75%	18.75%	19.59%

Источник: представлены данные Energy Information Administration и расчет автора на их основе.

Отношение экспортируемой сырой нефти через Ормузский пролив к объемам мировой нефтедобычи достаточно устойчиво во времени, лишь с небольшим снижением к 2024 году (что в том числе объясняется решением ОПЕК+ по снижению нефтедобычи для поддержания нефтяных цен). При построении сценария ориентация идет на значение отношения экспорта сырой нефти через Ормузский пролив к мировой нефтедобычи равное 18,75%. Также необходимо учесть тот факт, что небольшая часть экспортируемой через пролив сырой нефти и конденсата может быть перенаправлена Саудовской Аравией и ОАЭ по другим каналам (потенциально небольшие возможности есть и у Ирана за счет трубопровода Горех-Джаск). По оценкам Управления энергетической

информации США⁵⁵ данный объем может составить около 2,6 Мб/д на момент июня 2025 года. По этой причине, также будет сделана коррекция на данную величину, в результате чего отношения экспорта нефти через Ормузский пролив к мировой нефтедобыче составит 15,5%.

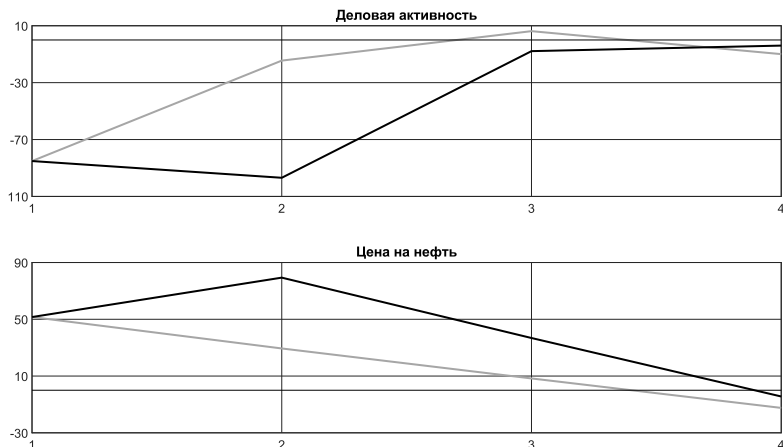
Второй момент, который необходимо учесть при построении сценария – реакция стран участниц мировой торговли, стран импортеров нефти, в особенности зависящих от поставок именно через данный пролив (серьезные объемы нефти по данному каналу идут в достаточно крупные экономики мира, например, Китай, Индию, Южную Корею, Японию). Учитывая эти обстоятельства, представляется резонным полагать достаточно негативную реакцию на блокаду пролива и возможные попытки оказания сильного давления на Иран.⁵⁶ По этой причине считается наиболее вероятным, что блокирование данного торгового пути не продлится слишком долго и будет иметь краткосрочный характер.

Рассматриваются два случая данного сценария. В первом – блокада длится один квартал, после чего со второго квартала поставки через Ормузский пролив восстанавливаются (сценарий Па). Во втором – блокада продлится полгода, а нормализация торговли происходит уже в третьем квартале (сценарий Пб). Количественные оценки эффектов шоков предложения в сценарии представлены на рисунке 8 и в таблице 5.

⁵⁵Amid regional conflict, the Strait of Hormuz remains critical oil chokepoint. In-brief analysis. EIA, 16 июня, 2025 (Amid regional conflict, the Strait of Horm <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=65504> uz remains critical oil chokepoint - U.S. Energy Information Administration (EIA)).

⁵⁶Вследствие этих обстоятельств также полагается маловероятным сценарий, при котором Иран будет блокировать Ормузский пролив.

Рисунок 8 – Динамика деловой активности и цен на нефть (в % отклонениях от устойчивого состояния) в сценарии полной остановки Ираном нефтедобычи. Сценарий Па – серая линия. Сценарий Пб – черная линия.

Источник: расчеты автора.

Таблица 5 – Оценки эффектов шоков предложения в сценарии блокирования Ираном Ормузского пролива по итогу года.

	ВВП	Потребление	Инвестиции	Экспорт	Импорт
Сценарий Па (годовой эффект)	2.30%	2.72%	2.04%	12.01%	7.66%
Сценарий Пб (годовой эффект)	6.35%	11.72%	13.54%	14.25%	16.42%
	Дефлятор ВВП	МІАСR	Зарплата	Доходы	РЭВК
Сценарий Па (годовой эффект)	-2.18%	5.99%	3.63%	2.19%	-8.61%
Сценарий Пб (годовой эффект)	-7.51%	1.87%	10.19%	4.21%	-11.62%

Примечание: серым цветом выделены оценки по макропоказателям, чьи реакции на шок предложения нефти в VAR модели были статистически незначимы или находились на грани статистической значимости; количественный эффект представлен на квартальной частоте.

Источник: расчеты автора.

В обоих сценариях происходит существенное падение мировой деловой активности и рост нефтяных цен, с последующей стабилизацией после нормализации функционирования торгового пути. Вследствие этого наблюдается крайне сильный рост российских реальных макроэкономических

показателей (оценивается влияние непосредственно от блокады пролива, но не рассматриваются другие возможные шоки, связанные с наращиванием нефтедобычи, изменением ожиданий и реального спроса), который не перебивается снижением цен на нефть к концу рассматриваемого периода и подкрепляется восстановлением деловой активности. Так потребление, инвестиции и импорт растут на 2,72%-11,72%, 2,04%-13,54% и 7,66%-16,42% соответственно в зависимости от варианта сценария. При этом эффект от более сильного снижения нефтяных цен в конце периода приводит к тому, что реальный эффективный валютный курс по итогу года снижается, хотя первоначально ощутимо укрепляется.

Заключение

В работе на основе методологии байесовских векторных авторегрессий представлены количественные оценки последствий для российской экономики от введения импортных пошлин администрацией Трампа, а также от эскалации конфликта между Ираном и Израилем при различных сценариях. Показано, что при определенных условиях проводимая Вашингтоном торговая политика окажет ощутимый негативный эффект на отечественную экономику по итогам 2025 года через канал глобального спроса. Например, российский ВВП, инвестиции и импорт могут снизиться вплоть до 1,64%, 3,67% и 7,07% соответственно, а реальные доходы и заработные платы населения до 1,25% и 1,03%.

В качестве возможных последствий в результате начала военных действий на Ближнем Востоке было рассмотрено два сценария – полная остановка нефтедобычи Ираном (или невозможность Ираном экспортировать нефть) и блокада Тегераном Ормузского пролива (оценка влияния событий в данных сценариях на экономику России проводилось только через прямой канал предложения нефти). Продемонстрировано, что в результате остановки поставок Иранской нефти на мировой рынок потребление и инвестиции в России могут вырасти вплоть до 6,17% и 9,67% соответственно, а реальные заработные платы и доходы населения до 6,68% и 3,09%. При сценарии блокирования Ираном Ормузского пролива на полугодовой срок эффект на данные макропоказатели аналогичен и усиливается.

В работе не оценивается эффект от рассматриваемых событий, сценариев на российскую экономику по другим каналам, таким как ожидания относительно

будущей экономической ситуации и динамики нефтяных цен, политических или экономических решений другими странами о коррекции объемов нефтедобычи вследствие изменения глобальной конъюнктуры, а также прочими шоками, влияющими на глобальный спрос. Безусловно обозначенные в работе события окажут эффект через данные каналы, в результате чего итоговый чистый эффект на отечественную экономику будет усилен или наоборот смягчен.

Список литературы

1. **Polbin A., Skrobotov A., Zubarev A.** How the Oil Price and Other Factors of Real Exchange Rate Dynamics Affect Real GDP in Russia // *Emerging Markets Finance and Trade*. 2020. Vol. 56(15). P. 3732–3745.
2. **Ломоносов Д. А., Полбин А. В., Фокин Н. Д.** Влияние шоков мировой деловой активности, предложения нефти и спекулятивных нефтяных шоков на экономику РФ // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 25. № 2. С. 227–262.
3. **Ломоносов Д. А.** Шоки деловой активности и специфические шоки рынка нефти в DSGE-модели экономики России и их влияние при разных режимах ДКП // *Деньги и кредит*. 2023. Т. 82. № 4. С. 44-79.
4. **Kilian L.** Not All Oil Price Shocks are Alike: Disentangling Demand and Supply Shocks in the Crude Oil Market // *American Economic Review*. 2009. Vol. 99(3). P. 1053–1069.
5. **Kilian L., Murphy D. P.** Why Agnostic Sign Restrictions are Not Enough: Understanding the Dynamics of Oil Market VAR Models // *Journal of the European Economic Association*. 2012. Vol. 10(5). P. 1166–1188.
6. **Kilian L., Murphy D. P.** The Role of Inventories and Speculative Trading in the Global Market for Crude Oil // *Journal of Applied Econometrics*. 2014. Vol. 29(3). P. 454–478.
7. **Kilian L., Lee T.K.** Quantifying the Speculative Component in the Real Price of Oil: The Role of Global Oil Inventories // *Journal of International Money and Finance*. 2014. Vol. 42. P. 71–87.
8. **Kilian L.** Measuring Global Real Economic Activity: Do Recent Critiques Hold Up to Scrutiny? // *Economics Letters*. 2019. Vol. 178. P. 106–110.
9. **Kilian L., Zhou X.** The Econometrics of Oil Market VAR Models: CEPR Discussion Paper DP14460. 2020.
10. **Rubio-Ramirez J.F., Waggoner D.F., Zha T.** Structural Vector Autoregressions: Theory of Identification and Algorithms for Inference // *The Review of Economic Studies*. 2010. Vol. 77. № 2. P. 665–696.

11. **Arias J. E., Rubio-Ramírez J. F., Waggoner D. F.** Inference based on structural vector autoregressions identified with sign and zero restrictions: Theory and applications // *Econometrica*. 2018. Т. 86. №. 2. С. 685–720.
12. **Полбин А. В., Скроботов А. А.** Тестирование наличия изломов в тренде структурной компоненты ВВП Российской Федерации // *Экономический журнал ВШЭ*. 2016. Т. 20. № 4. С. 588–623.
13. **Litterman R.B.** Forecasting with Bayesian Vector Autoregressions – Five Years of Experience // *Journal of Business & Economic Statistics*. 1986. Vol. 4. № 1. P. 25–38.
14. **Ломоносов Д. А., Полбин А. В., Фокин Н. Д.** Шоки спроса, предложения, ДКП и цен на нефть в российской экономике (анализ на основе модели BVAR со знаковыми ограничениями) // *Вопросы экономики*. 2020. № 10. С. 83–104.
15. **Canova F.** *Methods for Applied Macroeconomic Research*. Princeton University Press, 2007.

References

1. **Polbin A., Skrobotov A., Zubarev A.** How the Oil Price and Other Factors of Real Exchange Rate Dynamics Affect Real GDP in Russia // *Emerging Markets Finance and Trade*. 2020. Vol. 56(15). P. 3732–3745.
2. **Lomonosov D. A., Polbin, A. V., Fokin N. D.** The Impact of Global Economic Activity, Oil Supply and Speculative Oil Shocks on the Russian Economy // *HSE Economic Journal*. 2021. Т. 25. № 2. S. 227–262.
3. **Lomonosov D. A.** Shocks of Business Activity and Specific Shocks to Oil Market in DSGE Model of Russian Economy and Their Influence Under Different Monetary Policy Regimes // *Russian Journal of Money and Finance*. 2023. Т. 82. № 4. S. 44–79.
4. **Kilian L.** Not All Oil Price Shocks are Alike: Disentangling Demand and Supply Shocks in the Crude Oil Market // *American Economic Review*. 2009. Vol. 99(3). P. 1053–1069.
5. **Kilian L., Murphy D. P.** Why Agnostic Sign Restrictions are Not Enough: Understanding the Dynamics of Oil Market VAR Models // *Journal of the European Economic Association*. 2012. Vol. 10(5). P. 1166–1188.
6. **Kilian L., Murphy D. P.** The Role of Inventories and Speculative Trading in the Global Market for Crude Oil // *Journal of Applied Econometrics*. 2014. Vol. 29(3). P. 454–478.
7. **Kilian L., Lee T.K.** Quantifying the Speculative Component in the Real Price of Oil: The Role of Global Oil Inventories // *Journal of International Money and Finance*. 2014. Vol. 42. P. 71–87.
8. **Kilian L.** Measuring Global Real Economic Activity: Do Recent Critiques Hold Up to Scrutiny? // *Economics Letters*. 2019. Vol. 178. P. 106–110.

9. **Kilian L., Zhou X.** The Econometrics of Oil Market VAR Models: CEPR Discussion Paper DP14460. 2020.
10. **Rubio-Ramirez J.F., Waggoner D.F., Zha T.** Structural Vector Autoregressions: Theory of Identification and Algorithms for Inference // The Review of Economic Studies. 2010. Vol. 77. № 2. P. 665–696.
11. **Arias J. E., Rubio-Ramírez J. F., Waggoner D. F.** Inference based on structural vector autoregressions identified with sign and zero restrictions: Theory and applications // *Econometrica*. 2018. T. 86. № 2. C. 685-720.
12. **Polbin A. V., Skrobotov A. A.** Testing for Structural Breaks in the Long-Run Growth Rate of the Russian Economy // *HSE Economic Journal*. 2016. T. 20. № 4. S. 588–623.
13. **Litterman R.B.** Forecasting with Bayesian Vector Autoregressions – Five Years of Experience // *Journal of Business & Economic Statistics*. 1986. Vol. 4. № 1. P. 25–38.
14. **Lomonosov D. A., Polbin, A. V., Fokin, N. D.** Demand, Supply, Monetary Policy, and Oil Price Shocks in the Russian Economy (Analysis Based on the BVAR Model with Sign Restrictions) // *Voprosy Ekonomiki*. 2020. № 10. S. 83–104.
15. **Canova F.** *Methods for Applied Macroeconomic Research*. Princeton University Press, 2007.